

МАРТ

Рассказ

Такая весна была, что, кажется, не только лыжи, но лыжную палку в серый снег воткни, и она за ночь зацветет, зазеленеет, возродится живым бамбуком...

Я видел, как растет бамбук. Давно, в Сухуми. Мне было тогда пять лет. Может быть, даже четыре. Еще там, в Сухуми, была настоящая, большая пальма на площади, памятник погибшим в войну от бомбы, и невдалеке от него очередь за чебуреками. И море, по которому бежали маленькие с белым гребнем волны, отец называл их барашками. Зеленый, живой бамбук на пути к берегу был очень яркий и очень веселый.

Однако весна, и мы без царей в голове, и никакими не воспоминаниями раннего детства полны были сердца наши.

Выйдя с Костей из школы, мы брели куда попало, мимо школьного забора, детской площадки, помойки, новой семнадцатизэтажной башни с парикмахерской и сберкассой на первом этаже.

Мне было как-то все нипочем и не до чего: я устал в школе, устал от школы, не от наук, конечно, а от суеты, шума и школьной бестолочи, и шел отрешенно, а Костя в то время был влюблен и как-то уж очень переполнен своими чувствами, и не мог молчать.

Все, что он мне, пока мы шли, говорил о своей любви, я слушал невнимательно, с сочувствием, но более – с осуждением. Мне жаль было моего друга.

Дело в том, что в начальных классах все влюбляются непременно в отличниц, а это хоть и понятно, но совершенно неправильно, но когда такая беда простирается до *зрелого возраста*, до старших классов, это становится уже совсем смешно.

И эта самая Ирка, от которой Костя стал сам не свой, была отличница, и в нее едва не с первого класса была влюблена половина наших парней, иногда даже по-настоящему, так что доходило даже до драк, а она ко всем ним была вполне равнодушна, и теплыми, а иногда даже и зимними вечерами гуляла вдоль и возле своего длинного девятиэтажного дома под ручку с мамой. Так что в Костиной влюбленности виделось мне что-то постыдно стадное и ненужное.

– Я ей письмо написал...

– Зачем?

(Взбредет же в голову! 9-й класс все-таки, взрослый человек. Стыдно письма писать.)

Некоторое время мы шли по мокрому снегу молча.

– Я ей кровью письмо написал, – сказал Костя тихо, но твердо.

Я даже остановился, пытаюсь представить себе и осмыслить, как это.

– Ты руку резал?

Иван Макаров родился в 1957 году в Москве. Окончил химико-технологический институт и заочно литинститут им. Горького. Работал инженером, слесарем, дворником, сторожем и т.д. Публиковался в журналах и альманахах «Новый мир», «Согласие», «Знамя», «Юность», «Поззия», «День поэзии», «Плавучий мост», «Крещатик», «Топос» и др. В 2006 году вышла книга стихов. Живет в Калужской области. В «Волге» публикуется с 2017 года.

– Нет, – так же тихо, просто и естественно ответил Костя, – у меня из носу кровь шла, и я этой кровью написал.

У него вообще часто носом кровь шла, из-за чего его часто отпускали с уроков.

Неведомая сила удержала тогда мой грешный, празднословный и лукавый язык, и я ничего не сказал тогда ему ни злого, ни оскорбительного, ни обидного. Зато в душе, конечно, от души смеялся. В раннем возрасте мы все жестоки. А я был особенно нетерпим... Впрочем, с Костей мы очень дружили.

Ближе к вечеру поехали гулять. «В город».

Сели в автобус, вышли, пересели в другой. Доехали до начала Пресни. Беспечно и бесцельно дошли почти до Ваганькова. Серые пятиэтажки, кажется, самые серые на свете, и как-то очень уютно поставленные. Теперь, наверно, они уже снесены...Трамвайный круг...

Куда дальше пойти? Через мост, на Беговую, или завернуть на кладбище?

Когда днем Костя сказал мне, что писал письмо кровью, а я подумал, что он руку резал, мне как-то невольно вспомнился поэт, резавший себе ладонь, и написавший кровью свои последние стихи.

Пошли на кладбище.

Постояли у славных могил. Большой камень у Есенина, маленький у Бениславской.

Вина не пили. Не было.

А потом что же?

Там, у входа на кладбище, перед конторой стояли железные тележки-каталки длиной в человеческий рост, выкрашенные черным лаком, для доставки усопших к могилам, и мы с Костей стали по очереди катать друг друга на этих каталках сначала в сидячем, а потом и в лежащем положении. Лежа на каталке для гробов можно было видеть небо. Серое. Начинающее темнеть.

Довольно долго катали. Школьный возраст. 9-й класс.

Вернувшись домой «из города», то есть в наш относительно новостройный микрорайон, мы еще долго не могли разойтись по домам: дрались (фехтовали) сухими осыпанными новогодними елками, благо их много было набросано у той самой помойки возле детской площадки.